

М. Д. СТЕПАНОВА

ВОПРОСЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ
И УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛЕЙ

Моделирование как один из методов лингвистического анализа широко применяется в современном языкознании, хотя само понятие модели и моделирования не имеет однозначного толкования. В целом можно наметить три основных утвердившихся сферы применения моделирования, а тем самым и его понимания: 1) как теории языка в целом (или одной из его областей); 2) как методики или аппарата применяемого анализа; 3) как типовой языковой структуры с большей или меньшей степенью обобщения. Два первых понимания модели (соответственно английскому термину «model»), допускающие дальнейшее членение на подвиды, введены в теорию языкознания, в первую очередь, в различных направлениях структурной лингвистики. Третье понимание применяется по отношению к единицам разных уровней и областей языка при их конкретном анализе (ср. английский термин «pattern»), главным образом, в синтаксисе (иногда в качестве синонима по отношению к термину «тип», «схема», «структура»). В отношении словообразования интерпретация модели в этом последнем понимании формулируется следующим образом: словообразовательная модель — это стабильная структура, обладающая обобщенным лексико-категориальным значением и способная наполняться разным лексическим материалом (т. е. разными лексическими основами)¹.

Поскольку перечень и описание словообразовательных моделей в данной интерпретации даны в ряде работ последних лет (естественно, в их разных вариантах в зависимости от того или иного языка, а также разной степени принимаемой авторами обобщенности), не будем останавливаться на их трактовке и перейдем к некоторым моментам моделирования, нуждающимся в уточнении.

Понятие модели в любом ее толковании представляет собой атрибут определенной формализации описания языка и получило распространение именно в те годы, когда последняя привлекала особое внимание лингвистов, независимо от их принадлежности к тому или иному направлению. При этом, несмотря на выявленное выше различие между тремя видами моделирования, между ними имеется и определенное сходство. Так, в области словообразования отдельные типовые структуры (pattern) входят в качестве составных частей в общую макромодель (model) словообразовательной системы, ее обобщенный эталон, дающий возможность найти объяснение любого слова, функционирующего в современном языке. В то же время моделирование — это определенный метод синхронного анализа языка; таким образом, все три названные выше понимания модели должны получить признание, схо-

¹ Это определение модели дано в нашей книге «Методы синхронного анализа лексики» (М., 1968, стр. 149). См. также: M. D. S t e p a n o w a, Methoden der synchronen Wortschatzanalyse, übersetzt von G. Helbig, Halle (Saale), 1973, стр. 109.

дятся и взаимодействуют при лингвистическом анализе, в нашем случае — в области словообразования.

✓ Модель — это не только структура: она предполагает определенное содержание, характеризующее структуру. Именно содержание модели, иначе — ее семантическая сторона, в настоящее время приобретает особое значение, поскольку решительный поворот к примату семантики характеризует современное языкознание².

В связи с этим интерес вызывает принцип моделирования на основе семантики как исходного положения. По существу это принцип не новый. Таковы, например, в синтаксисе «логико-грамматические типы предложения» В. Г. Адмони³; четыре основных модели предложения Х. Бринкмана, обозначаемые в терминах их смыслового содержания⁴. За последнее время данное толкование модели находит все более последовательное и аргументированное освещение. Так, О. И. Москальская пишет, что «единицей семантического моделирования должна стать не структурная схема предложения, т. е. поверхностная структура..., а структура смысла предложения, или семантическая модель предложения, так как лишь она является единицей, гомогенной самому понятию семантики»⁵. Развивая данное положение, автор отмечает «отсутствие прямого соответствия между смысловой структурой (или глубинной структурой) предложения и его поверхностной структурой», возможность «выражения одной семантической модели предложения несколькими различными формальными (поверхностными) структурами»⁶.

✓ Обратимся к методике словообразовательного анализа и возможности применить в данной области семантический принцип моделирования, т. е. четвертый возможный тип модели.

Структурно-семантические модели (pattern) опираются на форму выражения, хотя и связаны с категориальной семантикой; в целом они могут рассматриваться как поверхностные структуры. При этом, как и в синтаксисе, в словообразовании возможна омонимия: например, немецкая субстантивная модель с суффиксом *-er* может обладать категориальным значением лица (*Lehrer, Arbeiter, Zwanziger, Engländer*), неодушевленного предмета (*Wecker, Dampfer, Leuchter, Behälter*), абстрактного понятия (*Schluchzer, Seufzer, Walzer*); немецкий именной префикс *ur-* обозначает признак древности, первоначальности (*Urzeit, Uraufführung, urverwandt*) или усиления (*uralt, urplötzlich*); определительный композит выделяет в ряде случаев, даже при наличии общего компонента, разные отношения: *Goldring, -zahn, -uhr* (отношение вещественности), *Goldgrube, -bergwerk* (локальное отношение), *Goldwage* (отношение цели) и т. п. Таким образом, наряду с поверхностной структурой, свойственной модели, отдельные слова, как и синтаксические единицы, обладают глубинной структурой. С другой стороны, та или иная глубинная структура может выражаться разными моделями с суффиксами и полусуффиксами (*-ling, -e, -bold, -mann*

² См. по этому поводу: Л. Н. Засорина, В. Н. Мороз, О принципах семантического анализа, ВЯ, 1971, 6; Н. А. Слюсарева, Проблемы лингвистической семантики, ВЯ, 1973, 5; Р. А. Будагов, Категория значения в разных направлениях современного языкознания, ВЯ, 1974, 4.

³ В. Г. Адмони, Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1955 (см. также его последующие работы).

⁴ E. Brinkmann, Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung, Düsseldorf, 1962, стр. 510 и далее.

⁵ О. И. Москальская, Проблемы семантического моделирования в синтаксисе, ВЯ, 1973, 6, стр. 34.

⁶ Там же, стр. 36.

и т. д.), субстантивированными причастиями и прилагательными, корневыми словами; признак усиления выражается целым набором словообразовательных средств и т. п. Тем самым встает вопрос о моделировании и и, и с х о д я щ е м и з п р и н ц и п а с е м а н т и к и, т. е. о выявлении лексико-семантических категорий, выражаемых разными структурными моделями. Одной из первых попыток данного типа является выделение «блоков» (Wortstände) на основе «семантических» или словарных «ниш» (semantische Nischen⁷, Wortnischen⁸), т. е. групп слов с общей категориальной семантикой внутри отдельных словообразовательных структур. Эта методика, предложенная Л. Вайсгербером и его последователями, будучи освобожденной от ее идеологической сущности, вызывает интерес именно с точки зрения принципа семантического моделирования.

За последние годы вопрос о выявлении широких семантических категорий, выражаемых разными словообразовательными структурами, все больше привлекает внимание отдельных исследователей. В. Флейшер подчеркивает сложность данной задачи и предпочтительность, в связи с этим, опоры на языковые формы (т. е. структурно-семантические модели). Однако, по его мнению, следует в отдельных случаях исходить из «семантико-функциональной точки зрения»; он указывает на то, что эта мысль высказывалась еще Г. Паулем⁹. В число обобщающих таблиц В. Флейшер включает такие, которые иллюстрируют соотношение семантических категорий и выражающих их средств, а именно: в составе существительных — обозначение лиц, приборов, места, коллективности, действия, состояния (с использованием немецких и заимствованных суффиксов)¹⁰, в составе глаголов — семантические группы префиксов, выражающих начало, завершение, продолжительность, интенсивность, привативность и некоторые другие значения¹¹. Интерес представляет оригинальное построение раздела «Словообразование» в последнем издании грамматики Дуден¹². Исходя из соотношения производных слов и их синтаксических трансформ, автор приходит к семантическим «группам» с указанием на те средства, которые их выражают отдельно в составе отдельных частей речи. Х. Бринкман выделяет «понятийные» классы существительных на основе грамматического рода и словопроизводства; прилагательные он также делит на «блоки», связывая их со словопроизводством, и подчеркивает лишь частичное соответствие «содержания и структуры»¹³.

На материале русского языка отдельные семантические категории, выражаемые наборами суффиксов, выявлены в «Грамматике современного русского литературного языка» в основном в составе существительных¹⁴.

Названные выше конкретные попытки выделить способы выражения семантических категорий при помощи средств словопроизводства представляют собой имплицитно переход к семантическому моделированию. Несмотря на то, что привлекаются не все способы словообразования (обыч-

⁷ См.: K. B a l d i n g e r, Kollektivsuffixe und Kollektivbegriff. Ein Beitrag zur Bedeutungslehre im Französischen mit Berücksichtigung der Mundarten, Berlin, 1950.

⁸ Ср.: L. W e i s g e r b e r, Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, Düsseldorf, 1962; L. W e i s g e r b e r, Die geistige Seite der Sprache und ihre Erforschung, Düsseldorf, 1971.

⁹ W. F l e i s c h e r, Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache, 3. überarbeitete Aufl., Leipzig, 1974, стр. 21, 22.

¹⁰ Там же, стр. 198 и сл.

¹¹ Там же, стр. 346.

¹² «Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache», 3. neu bearbeitete und erweiterte Auf., Mannheim — Wien — Zürich, 1973, стр. 345 и сл.

¹³ H. B r i n k m a n n, Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung, Düsseldorf, 1971, стр. 16—40; 116—136.

¹⁴ «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 46—141.

но только словопроизводство), а также на значительную долю субъективности и спорности в отношении как выделения семантических «групп», так и соответствующих формулировок, такие попытки следует оценить положительно. Нельзя забывать при этом, что выявлению семантических моделей словообразования должно предшествовать тщательное изучение самих структур во всем многообразии их категориальных значений. В этом плане следует отметить, что литература по словообразованию включает уже ряд исследований, поэтапно подводящих к эксплицитно раскрывающемуся семантическому моделированию. На материале немецкого словообразования выполнены исследования советских лингвистов в отношении категории лица, усиления¹⁵ и других семантических категорий.

*

Выявление словообразовательных моделей (вне зависимости от принимаемого принципа моделирования) представляет собой важную часть словообразовательной теории, но не всю теорию в целом. Крайне существенно изучение функционирования моделей в живом языковом общении, иначе — их р е а л и з а ц и и: данная проблема входит в еще мало исследованную область лингвистической вероятности, т. е. применения в лингвистике философской категории вероятности как «степени возможности» некоторого события, которое может как произойти, так и не произойти¹⁶. Признавая, что достаточно объективно обоснованное изучение лингвистической вероятности должно опираться на данные статистики¹⁷, отметим все же, что возможно высказать ряд соображений, основанных на непосредственно эмпирическом наблюдении над фактами конкретного языка. В качестве общей предпосылки в отношении реализации словообразовательных моделей в синхронии следует признать наличие двух планов их функционирования: во-первых, изучение уже готовых слов, созданных по тем или иным образцам, во-вторых — предсказуемость образования новых слов (возможно, и новых вариантов моделей) при дальнейшем развитии словаря. В современной теории словообразования эти оба плана выявляются достаточно четко. Если еще Л. В. Щерба писал, что следует различать процесс образования слова от того, как оно «делано»¹⁸, то сейчас принято употреблять в этом отношении специальную терминологию. Так, авторы «Граматики современного русского литературного языка» отказались от термина «словопроизводство», заменив его термином «мотивированность»¹⁹. М. Докулил предлагает противопоставлять «словообразованию» (Wortbildung) «словообразованность» (Wortgebildetheit)²⁰; В. Флейшер

¹⁵ Т. В. Чекунаева, Семантическая группа имен деятеля (лица) в современном немецком языке. КД, М., 1964; Р. З. М у р я с о в, Категория одушевленности в современном немецком языке. КД, М., 1969; е г о ж е, Структура словообразовательных полей лица и инструмента в современном немецком языке. ВЯ, 1972; 4; И. Д. М о л ч а н о в а, Усилительные прилагательные в современном немецком языке. КД, М., 1954.

¹⁶ «Философская энциклопедия», I, М., 1960, стр. 244.

¹⁷ См.: В. Н. Т о п о р о в, О введении вероятности в языкознание, ВЯ, 1959, 6; В. Г. А д м о н и, Качественный и количественный анализ грамматических явлений, ВЯ, 1963, 4; е г о ж е, Основы теории грамматики, М.—Л., 1964, стр. 62—79; е г о ж е, Еще раз об изучении количественной стороны грамматических явлений. ВЯ, 1970, 1; е г о ж е, Пути развития грамматического строя в языке. М., 1973; Л. Р. З и н д е р, Т. В. С т р о е в а, К вопросу о применении статистики в языковедении, ВЯ, 1968, 6.

¹⁸ Л. В. Щ е р б а, Очередные вопросы языкознания, ИАН ОЛЯ, 1945, 5, стр. 18.

¹⁹ «Грамматика современного русского литературного языка», стр. 46 и далее.

²⁰ М. D o k u l i l, Zur Wortbildung, сб. «Zur Lexikologie der deutschen Sprache der Gegenwart. Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität. Leipzig», 17. Jahrgang, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, Hf. 2/3, 1968, стр. 203.

различает «процессуальный» и «аналитический» подход к словообразованию ²¹; в более широком плане, а именно по отношению к лингвистической вероятности на разных уровнях языка, С. Стати пишет о «динамических» и «структурных» возможностях ²². Автор данной статьи не считает целесообразным отказываться от традиционных терминов «словопроизводство», «словосложение» (как и в целом «словообразование»), но различает «процессуальный» и «статический» аспекты словообразовательного анализа.

Условия реализации словообразовательных моделей, вне зависимости от «процессуального» или «статического» планов их исследования, следует расчленять на интра- и экстралингвистические. К первым относятся, в первую очередь, частотность — нечастотность, с одной стороны, и продуктивность — непродуктивность моделей, с другой стороны. При этом степень частотности существенна как для статического, так и для процессуального аспектов, степень продуктивности и непродуктивности только для процессуального аспекта. Как будет показано ниже, и частотность, и продуктивность частично относятся и к экстралингвистическим моментам, но в своей основе они связаны с языковой традицией, т. е. имеют интралингвистический характер. Именно эти особенности моделей должны определяться при помощи статистического анализа, что до сих пор фактически не имеет места; в большинстве случаев исследователи основываются либо на данных, изложенных в предшествующих работах, либо на собственных эмпирических наблюдениях. К интралингвистическим условиям относятся, далее, отстоявшиеся в языке формальные и семантические условия заполнения моделей; речь идет о закономерности сцепления непосредственно составляющих (сегментов) первичной (по другой терминологии, «производящей») основы с аффиксом при аффиксации, первичных (складываемых) основ при словосложении. Эти закономерности могут обозначаться разными терминами. В. Флейшер пишет о «внутреннем синтагматическом отношении» (syntagma-interne Beziehung) в составе сложных основ, которое он противопоставляет «внешнему синтагматическому отношению» (syntagma-externe Beziehung) композита как цельнооформленной единицы внутри словосочетания ²³. Автор данной статьи применяет (до известной степени условно) термин «внутренняя валентность» в оппозиции к «внешней валентности» слова в предложении и словосочетании ²⁴, имея в виду установившееся в современной литературе понимание валентности как закономерности сочетания друг с другом языковых единиц одного уровня. При этом различается «формальная» и «семантическая» внутренняя валентность.

«Формальная валентность» в нашем понимании не соответствует «внутреннему структурному синтагматическому отношению», выявляемому В. Флейшером, который под этим термином фактически подразумевает «поверхностную структуру» композитов, т. е. «подчинение» у определятельных и «координацию» у сочинительных композитов ²⁵. К параметрам «формальной» внутренней валентности относятся закономерности фонетические, морфологические, структурные (словообразовательные) и генетические. Естественно, что эти закономерности индивидуальны в каждом отдельном языке. Поскольку два первых из названных параметров на ма-

²¹ W. Fleischer, Wortbildung..., стр. 19 и сл.

²² С. Стати, Философские категории «возможность» и «действительность» и применение их в лингвистике, «Revue de linguistique», VI, 1961, 2.

²³ W. Fleischer, Wortbildung..., стр. 81.

²⁴ М. Д. Степанова, Методы..., гл. III; е е ж е, Теория валентности и валентный анализ (на материале современного немецкого языка). Учебное пособие, М., 1973.

²⁵ W. Fleischer, Wortbildung..., стр. 81.

териале немецкого языка описаны достаточно подробно²⁶, остановимся кратко лишь на параметрах структурном и генетическом. Структурная (словообразовательная) валентность исходит из словообразовательной формы первичных основ в составе вторичных. Этот вид валентности не подвергался еще специальному исследованию, если не считать отдельных попутных наблюдений²⁷. Можно предположить (что также подтверждается наблюдением), что структурная валентность связана с фонетической и что в целом одно- и двуморфемные структуры обладают большей словообразовательной активностью по сравнению с более сложными структурами, особенно при значительной звуковой насыщенности их слогового состава. Генетические условия сочетаемости непосредственно составляющих в сложных и производных словах легко определяются наблюдением. Следует отметить различие в этом плане между сложными и аффиксальными словами. Для словосложения в данном отношении ограничений нет: возможны соединения слов как одинакового, так и различного генезиса. Ср. примеры второго типа: *Autozubehör*, *Jacketanzug*, *Saugventil*, *Gemeinbüro*, *lasurblau*, *trompetengelb* (L. Frank); *Dichterkomponist* и т. п. (выделены заимствованные основы). В отношении аффиксальных слов имеется тенденция ограничения сочетаемости аффиксов и первичных основ только одинакового происхождения. Однако за последнее время здесь наблюдаются изменения (см. ниже).

Семантическая внутренняя валентность сложных и производных слов, как правило, характеризуется семантическим согласованием их непосредственно составляющих. Естественно, что при этом следует принимать во внимание возможную полисемию как основ, так и аффиксов с учетом их актуализирующегося значения. Так, например, существительное *Schule* обозначает как учебное заведение, так и абстрактное понятие выучки, а также научное направление, метод: в составе *Mädchen-*, *Flieger-*, *Hoch-*, *Mittelschule* при согласовании с первым компонентом актуализировано первое из названных выше значений; *Schüler* может быть понято как обучающийся в учебном заведении и как последователь какого-либо ученого, направления и т. п., причем актуализировано значение «лица», свойственное суффиксу *-er*: тот же суффикс в составе *Kühler* актуализирует, при согласовании с первичной основой *kühl*, значение неодушевленного предмета, прибора, а в составе *Seufzer* соответственно значению глагола *seufzen* абстрактное понятие и т. п. Именной префикс *un-* может выражать отрицание или усиление: то или иное значение выявляется при семантическом согласовании с теми основами, к которым он присоединяется, ср.: *Unglück*, *Unsinn*, с одной стороны, и *Unzahl*, *Ungeld* и т. п. — с другой. Особый случай семантического согласования непосредственно составляющих наблюдается у слов с образным переосмыслением целого или одного из компонентов, типа *Langfinger* «воришка» (букв. «длинный палец»); *mäuschenstill* «тихохонький» (букв. «тихий, как мышка»); *schiefgehen* «не удаваться» (букв. «идти в сторону, криво») и т. п. Такие слова обладают переосмысленной внутренней валентностью. Их следует отличать от слов с полностью затемненной мотивированностью типа *Junggeselle*, *Ohrfeige*, *höflich*, *häßlich*, *behaupten*, *gehören* и т. п., внутренняя семантическая валентность которых либо совсем неощутима, либо нерелевантна — с точки зрения семантики эти слова соотносимы с корневыми.

²⁶ М. Д. Степанова, Методы..., §§ 29, 31; M. D. Stepanowa, Die innere Valenz des Wortes und das Problem der linguistischen Wahrscheinlichkeit, сб. «Beiträge zur Valenztheorie», Halle (Saale), 1971, и др.

²⁷ Например: Г. А. Скакун, Отадъективные существительные современного немецкого языка и возможности заполнения их моделей. АКД, М., 1972, стр. 14—16.

Если реализация словообразовательных моделей в целом относится, как было сказано выше, к проблеме лингвистической вероятности, то экстралингвистические условия этой реализации одновременно входят в область социолингвистики, поскольку последняя «восполняет интралингвистический подход, изучая явления и процессы, которые обусловлены воздействием общества на язык»²⁸. Следует учитывать различную степень сложности при изучении экстралингвистических факторов на разных уровнях, в разных явлениях языка. Как функционирование, так и возникновение лексических единиц представляет собой благоприятный материал для экстралингвистических исследований, что и находит отражение в соответствующей литературе, в частности, и на материале немецкого языка²⁹. Однако обычно речь идет о словах в целом, а не о реализованных в них словообразовательных моделях. При анализе последних следует исходить из территориальной и социальной дифференциации языка; из различий функциональных стилей; из отдельных моментов внутренней элементности как функционирующих в языке, так и возникающих в нем новых лексических единиц. Тотчас следует подчеркнуть, что статический и процессуальный аспекты в данном случае тесно связаны друг с другом, как и при рассмотрении интралингвистических условий реализации моделей. Отметим также, что каждый из названных выше вопросов может служить предметом специального исследования. В рамках данной статьи преследуется цель лишь наметить их возможную постановку.

Несмотря на тенденцию к нивелированию диалектальных различий в современном немецком языке, эти различия еще существуют и находят свое выражение и в реализации, и в вариантах словообразовательных моделей. Известны «географические» условия употребления уменьшительных суффиксов существительных: в южнонемецких областях преобладают *-lein* и его варианты, ср. *Rössel, Messerle, Quasterle, Blättli* и т. п., в то время как *-chen* представлен в значительной мере в литературном языке³⁰. Можно назвать также южнонемецкое *sich verkälten* вместо общеупотребительного *sich erkälten* и некоторые другие примеры. В значительно большей степени проявляется различие в словообразовании в национальных вариантах немецкого языка. Так, в австрийском варианте крайне распространен заимствованный субстантивный суффикс *-ist*, присоединяемый как к заимствованному, так и к немецким основам (последний случай встречается в пределах ГДР и ФРГ лишь как исключение, например, в словах *Hornist*, малоупотреб. *Blumist* и некот. др.; ср. австр. *Pensionist, Stipendist, Bohrist, Lagerist* и т. п.; то же касается глагольного суффикса *-ieren*, ср. *garagieren, paprizieren* и т. п. В целом здесь налицо некоторое отклонение от общей тенденции генетического согласования сегментов при аффиксации. Крайне частотен суффикс *-er* при обозначении лиц (*Deuter* «тот, кто объясняет») и абстрактных понятий (*Genierer* «застенчивость», с заимствованной глагольной основой); характерен глагольный суффикс *-el (n)* (*schnapseln, fischeln*) и т. п. Уменьшительные существительные используют часто суффикс *-erl*; тот же суффикс употребляется также без значения уменьшительности (*Enkerl, Glaserl* и т. п.)³¹.

²⁸ Л. Б. Никольский, О предмете социолингвистики, ВЯ, 1974, 1, стр. 67.

²⁹ См. фундаментальный труд Е. В. Розен «Современные вокабулярные неологизмы. Опыт социолингвистического исследования на материале немецкого языка (ГДР и ФРГ)» (ДД, М., 1971); е же, Новое в лексике немецкого языка, М., 1971.

³⁰ W. Fleischer, Wortbildung..., стр. 178—179.

³¹ Примеры словообразовательных вариантов см. в книге А. И. Домашнева «Очерк современного немецкого языка в Австрии» (М., 1967, гл. II).

Реализация и, частично, наполнение словообразовательных моделей в зависимости от функциональных стилей вызвано двусторонней связью языковых средств — как выражения мыслей автора и как способа их передачи, стремления воздействия на адресат. Общеизвестно широкое распространение в немецком языке словосложения, чему посвящен ряд специальных работ³². Можно привести отдельные наблюдения в отношении его использования в зависимости от стиливых особенностей языка. Так, в художественной литературе и в разговорном языке структура их, как правило, менее сложна, чем в научной (особенно научно-технической) литературе и частично публицистике, где «слова-чудовища» (*Wortungeheuer*) подлежат многоступенчатому членению, ср. *Halbleiterfotobäuelemente*, *Heißgaslaborelektroabschneideranlage* и т. п.³³. В семантическом отношении художественную литературу характеризуют образные композиты с окказиональным наполнением: *frühlingsgrüne Petersiliensuppe*, *dum pfkatholische Klosterkirche*; *Nebelmeer* (Г. Гейне); *europakrank* (Ст. Цвейг); *felsensicher* (А. Зегерс); *wochenendhungrige Leute* (Г. Гауптман) и т. п. Имеются композиты данного типа, понятные только на фоне контекста, например: *Feuerfloh* в значении «молния» (Э. Штриттматер); *Nebelherr-dame* — в значении «господин, дама, появившиеся в тумане» (И. Бехер). При преобладании композитов сравнительно несложной структуры в художественной литературе используются также отдельные модели, крайне усложненные, способные передавать целые ситуации, чем достигается особый стилистический эффект. Таковы инфинитивные сращения типа *Im-Kreise-Herumspüren der beiden Kinder* (Ст. Цвейг), *dieses Mit-der-Tür-ins-Haus-Fallen* (Ст. Хейм); композиты, первый компонент которых представлен словосочетанием или предложением: *Ich wiederholte immer meinen Monsier-Menier-Satz* (И. Петерсен), *der Mann... sah Robert mit einem «Immer-mach-ich-die-gleichen Dumheiten»-Ausdruck seiner schönen Augen an* (Г. Кант) и т. п. В качестве реакции против сложных структур разного типа все большее распространение получают все виды сложносокращенных и усеченных слов, проникающих сейчас в разные функциональные стили. Та же тенденция «экономии» ведет к явлению, которое В. Флейшер называет «универбацией» обозначения понятий: сложные слова могут заменять словосочетания, нередко при сокращении одного из входящих в них элементов: *startendes Kampfflugzeug = Senkrechtstarter*, *Konferenz am runden Tisch = Rundtischkonferenz* и т. п.³⁴.

Различие употребления словообразовательных моделей в разных функциональных стилях касается также производных слов. Естественно, что эмоционально окрашенные модели, как-то: с суффиксами *-bold*, *-ian*, с полусуффиксами и с полупрефиксами типа *-liese*, *-peter*, *-person*, *-bild*; *stock-*, *stink-* и т. п. — отсутствуют в научной прозе. Как показывают наблюдения, в научно-технической литературе редки также некоторые нейтральные аффиксы типа *-in* у существительных, *-haft* у прилагательных и некот. др.

Выше закономерности внутренней валентности производных и сложных слов были рассмотрены как атрибут интралингвистических условий реализации моделей. Эти закономерности, утвердившиеся в языке в итоге его

³² М. Д. Степанова. Словосложение в современном немецком языке. ДД, М., 1959; В. М. Павлов. Субстантивное словосложение в современном немецком языке. ДД, Л., 1973, и ряд других исследований советских и зарубежных авторов.

³³ Примеры, которые можно было бы умножить, заимствованы из ст.: G. M ö l l e r, *Stilpraktische Überlegungen zur Wortzusammensetzung*, «Sprachpflege», 1973, 10.

³⁴ W. F l e i s c h e r, *Tendenzen der deutschen Wortbildung*, «Deutsch als Fremdsprache», 1972, 3, стр. 133—134.

длительного развития, создают «давление системы», определяющее дальнейшее развитие словаря. Особенно существенны параметры формальной валентности. Однако они не неизменны и могут подвергаться изменениям. В истории немецкого языка, например, известны примеры изменения морфологической валентности. Так, сложные существительные первоначально не включали глагольные основы в качестве первых компонентов; затем, через ступень переосмысления именной основы, совпадающей с глагольной, произошло изменение соответствующей сочетаемости; наравне с совпадением именных и глагольных основ в композитах типа *Tanzsaal*, *Reiselust* и т. п., в качестве первых компонентов функционируют и чисто глагольные, например: *Turnstunde*, *Wanderlied*, *Siedetemperatur* и т. п. Суффикс немецких прилагательных *-bar*, ранее присоединявшийся к именным основам, сейчас встречается преимущественно при основах глаголов, придавая прилагательным, как правило, пассивное значение (*hör-*, *fühl-*, *erreichbar*); прилагательные с именными основами единичны (*frucht-*, *dienstbar*), остальные — если и встречаются — производят впечатление окказиональности (например, *jagd-*, *heubar*). Морфологическая валентность обнаруживает колебания и в настоящее время. Так, глагольные первые компоненты в сложных глаголах закономерно наличествуют только в виде именных форм, образуя определительные композиты (*bekanntmachen*, *stehenbleiben*). Однако сейчас в художественной литературе зарегистрированы единичные образования аддитивного типа с компонентами — глагольными основами: *rollrasseln* (А. Кечч), *sprudelwallen* (Доблин), *schwatzlachen* (Понтен) и некот. др.³⁵ Если в настоящее время такие композиты имеют скорее статус нарушения нормы и создают определенный стилистический эффект, то, возможно, в дальнейшем они станут закономерными, т. е. потеряв специальную окраску, связанную со стилем художественной литературы, перейдут в общепотребительный слой лексики. В. Флейшер отмечает наличие в технической прозе субстантивированных инфинитивов, а также причастий, лишенных экспрессивного оттенка (при отсутствии личных форм глаголов): *das Spritzpressen*, *Spülboren*; *preßgeschweißt*, *fließgedrückt*³⁶. Изменяется, далее, тенденция генетической общности сочетающихся элементов производных (см. выше, стр. 58). Активность проявляется в этом плане суффикс *-heit*, не только в окказионализмах типа *Aufpoliertheit*, *Tristheit* (Г. Гауптман), но и в стойких единичах: *Exakt-*, *Explizit-*, *Korrekt-*, *Motiviertheit* и т. п. В. Флейшер отмечает присоединение немецких префиксов к заимствованным глаголам: *aufoktroyieren*, *verkomplizieren*, *versimplifizieren* и т. п.³⁷ Реже встречается сочетание заимствованных аффиксов с немецкими основами типа *Hornist*, *Benekmität*, *hausieren*, *stolzieren*. В целом же в современном немецком языке наблюдается тенденция «интернационализации» словообразовательной техники, созвучной с ростом заимствований, что отражает усиление интернациональных связей в настоящее время. Та же тенденция проявляется в «морфематизации» элементов заимствованных слов типа *-tron* (*Robo-*, *Cellatron*); *mini-* (*Minilok*, *-straßenbahn*, *-koffer* и т. п.)³⁸.

Для внутренней семантической валентности характерен устойчивый характер семантического согласования между сочетающимися элементами производных и сложных слов. Нарушения этой закономерности редки и характеризуют писательские окказионализмы типа *Mondfüße* (Г. Манн), *Herbstwolkensuppe* (Э. Штриттматер) и т. п. Лишь в редких случаях такое

³⁵ См.: W. Schneider, *Stilistische deutsche Grammatik*, Freiburg — Basel — Wien, 1969, стр. 205, 206.

³⁶ W. Fleischer, *Wortbildung...*, стр. 307.

³⁷ W. Fleischer, *Tendenzen...*, стр. 136.

³⁸ Примеры см.: W. Fleischer, *Tendenzen...*, стр. 138.

«нарушение» превращается в общую тенденцию, изменяющую статус словообразования. Так, именные сочинительные композиты, согласно утвердившейся норме, носят характер семантической аддитивности (сочинительности). Однако уже у Г. Гейне появляются композиты с антонимической связью компонентов: *dummkluges Gesicht*, *wehmütig-heitere Erinnerung* и т. п. Такие композиты получают распространение в современной художественной литературе, ср. *Unglücksglück* (А. Зегерс), *das Finster-Strahlende* (Л. Фейхтвангер) и т. п.

Совершенно иной характер имеют неологизмы с новым наполнением моделей, не нарушающим общего закона семантического согласования элементов производных и сложных слов, а отражающим экстралингвистические факторы — новые связи между явлениями и отношениями действительности. В качестве типичного примера можно назвать русское слово *луноход*. Оно не только обозначает новое средство передвижения, но, созданное по продуктивной модели сложнопроизводного слова (ср. *паро-, само-, вездеход*), стало возможным только в связи с осуществлением процесса передвижения по Луне. Исследование неологизмов современного немецкого языка выявляет ряд подобных случаев отражения во внутренней семантической валентности экстралингвистических факторов. В книге «Beiträge zur Soziolinguistik» приводится ряд примеров сочетания компонентов в составе композитов соответственно разным областям общественной, политической жизни, развитию науки и техники в ГДР. Композиты с первыми компонентами *volk(s)-* (*Volksvertretung*, *-polizei*, *-armee*, *-eigentum*, *-kontrolle*) и т. п. и *staat(s)-* (*Staatsbürger*, *-organ*, *-vertrag*, *-besuch*) и т. п. рассматриваются как «лексические средства, занимающие ведущее положение в сфере общественной коммуникации»³⁹. Для области международной политики характерны: *kernwaffen-*, *atomwaffenfrei*; *Globalstrategie* и т. п.; для области народного образования: *wissenschaft-technische Revolution*, *klassenmäßige Erziehung*, *Weiterbildung*; *Qualifizierung* и т. п. Эти новообразования отражают путем внутреннего семантического согласования соответствующие отношения между реалиями. Усиливается активность отдельных словообразовательных средств, например, суффиксов действующих лиц, обозначающих, путем присоединения к соответствующим основам, положения, занятия, состояния человека: *Geheimdienstler*, *Interbrigadist*, *Radiologe*, *Kurzturlauber* и т. п.⁴⁰ Суффикс прилагательных *-ig*, в качестве выразителя категориального значения признаковости, служит для образования неологизмов типа *zweiatomiges Molekül*, *dreistufige Rakete* и т. п.⁴¹

*

Подводя итог изложенному в данной статье, следует отметить следующие моменты. Вопросы моделирования в словообразовании и частично реализации моделей не представляют собой полностью новой области исследования: они рассматривались уже в ряде работ. Однако мы и м е л и целью сконцентрировать внимание читателей на отдельных положениях, освещенных ранее лишь частично или совсем еще не затронутых. Таково, прежде всего, соотношение разных видов моделирования, их частичное переплете-

³⁹ «Beiträge zur Soziolinguistik», hrsg. von R. Große und A. Neubert, Halle — Saale, 1974, стр. 37.

⁴⁰ Примеры заимствованы из книги Е. В. Р о з е н «Новое в лексике немецкого языка», стр. 20—21.

⁴¹ F. K e m p t e r, Adjektive mit einer Wortgruppe als Basis, «Sprachpflege», 10, 1970.

ние и специально — проблема эксплицитного семантического моделирования. Как можно заключить из рассмотрения реализации моделей, принцип моделирования в данном случае разнообразен. Так, структурно-семантические модели характеризуются разной частотностью и варьированием в зависимости от территориальной и стилевой дифференциации лексики, а их наполнение отражает различные интра- и экстралингвистические факторы. В то же время функционирование моделей указывает на дифференциацию способов выражения крупных семантических категорий (например, лица, признаковости и т. п.), а иногда выявляет и новые категории (например, в сфере общественной коммуникации), что относится к области семантического моделирования. Особо следует отметить изучение экстралингвистических факторов, объединяющих, при реализации моделей, лингвистическую вероятность с проблемами социолингвистики. Понятие моделирования в сочетании с условиями реализации моделей дает возможность судить о д в и ж е н и и в области словообразования, о непосредственной связи друг с другом статического и процессуального планов его анализа. Как представляется, названные выше вопросы должны быть предметом изучения на конкретном материале разных языков, а также в области общей теории словообразования.